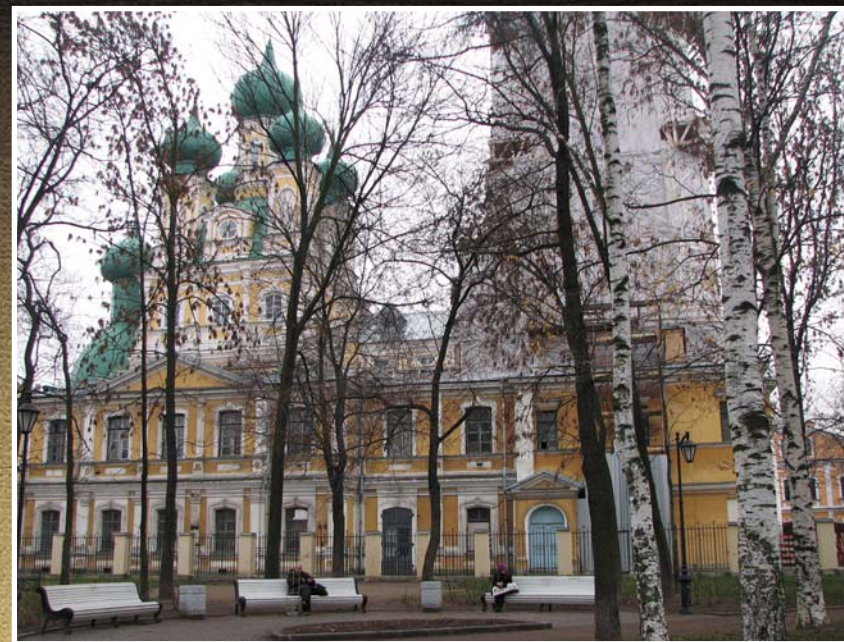
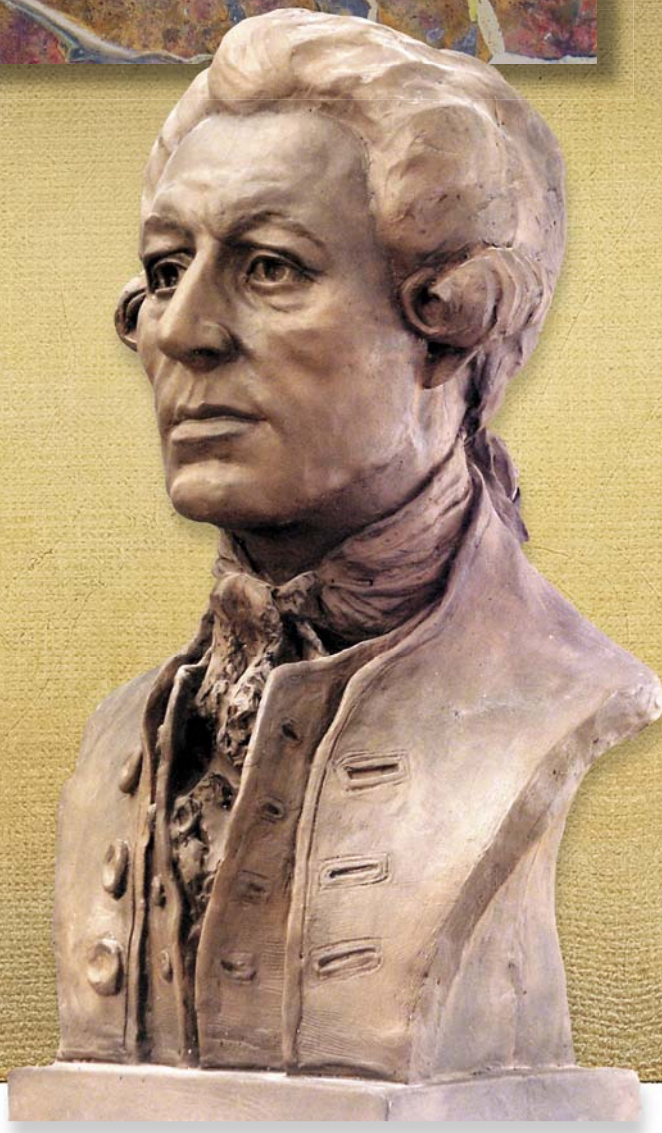

Д. Г. САВИНОВ

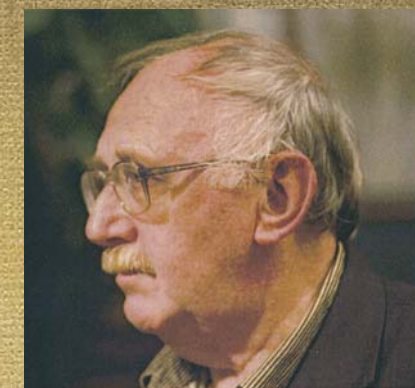
О раскопках погребения С. П. КРАШЕНИННИКОВА в Петербурге

Археологические раскопки в границах больших, не столь старых городов, – дело хлопотное и довольно новое. Применение слова «раскоп» к кладбищу XVIII в. было бы довольно кощунственно, если бы кладбище не относилось к категории утраченных, а раскапывать начал экскаватор, а не археолог. На кладбище у Благовещенской церкви на Васильевском острове в Петербурге хоронили многих бывших сотрудников Академии наук и Академии художеств: известного механика, соратника Петра I Андрея Константиновича Нартова, рисовальщика и гравера Михаила Ивановича Махаева, художника Антона Павловича Лосенко. Там же был похоронен и исследователь Камчатки, профессор, ректор академического университета С. П. Крашенинников. Привлечение профессиональных археологов и антропологов к этому «раскопу» позволило идентифицировать найденные останки как принадлежащие именно Крашенинникову

Фаянсовая пиала из погребения
С. П. Крашенинникова.
Фотоархив ИИМК РАН, № нег. 1-64596

Современный вид на церковь Благовещения на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. 2011 г.

САВИНОВ Дмитрий Глебович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Автор более 300 работ о культуре и истории древних и раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири (от эпохи бронзы до монгольского времени включительно)

Степан Петрович Крашенинников – одна из самых ярких и в то же время трагических фигур в русском сибиреведении. Его знаменитое выражение – «знать свое отечество во всех его пределах» – может считаться своего рода знаменем науки о Сибири петровской эпохи и вообще всего XVIII в. На общем фоне отрывочных, неполных и в ряде случаев противоречивых сведений о Камчатке, появилось первое всестороннее исследование этой самой отдаленной части бескрайнего пространства от Урала до Тихого океана, сразу переведенное на все европейские языки и во многом опередившее свое время.

Создание этого фундаментального труда – научный подвиг С. П. Крашенинникова, в течение четырех лет (с октября 1737 г. по июнь 1741 г.) проводившего свои исследования практически в одиночестве, в совершенно чужих землях, среди все еще первобытного населения, культура которого являлась живым слепком каменного века. Работа С. П. Крашенинникова сопоставима с трудами другого нашего великого соотечественника – Н. Н. Миклухо-Маклая, открывшего миру феномен неолитической культуры папуасов Новой Гвинеи.

Документальный портрет С. П. Крашенинникова, выполненный Г. В. Лебединской.
Гипс. Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, 1972

Ключевые слова: С. П. Крашенинников, Вторая Камчатская экспедиция, археологические раскопки, археология Петербурга.
Key words: S.P. Krasheninnikov, the Second Kamchatka expedition, archaeological excavation, archaeology of Petersburg

Студент Степан Крашенинников

Всестороннее изучение Камчатки как своего рода плацдарма для дальнейшего освоения побережья Северной Америки было одной из главных задач Великой Сибирской, или Северной, экспедиции, носившей также название Второй Камчатской, что подчеркивает конечные цели ее предназначения. Однако участники сухопутной части экспедиции академика Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин (морской частью экспедиции руководил Витус Беринг) сами на Камчатку не поехали, а отправили туда самого способного, до этого хорошо себя зарекомендовавшего студента Степана Петровича Крашенинникова, которому было тогда 24 года. Конечно, понятие «студент» нашего времени и первых лет существования Петербургской Академии наук не сопоставимы, но все же, все же...

Таким образом, на плечи Крашенинникова, все время ожидавшего приезда профессоров, которые на Камчатку так и не поехали, легла обязанность всестороннего изучения этого обширнейшего края, а, по сути дела, выполнение одной из главных задач всей сухопутной части экспедиции.

Известно, в каких тяжелейших условиях проводил свои исследования С. П. Крашенинников, о чем свидетельствуют рапорты, регулярно отправляемые им Г. Ф. Миллеру и И. Г. Гмелину. Вероятно, следует

также иметь в виду постоянное моральное напряжение Крашенинникова, безусловно понимавшего всю меру своей ответственности за исполнение порученного дела. В одном из рапортов он обращается с просьбой об увеличении ему жалованья (которое так и не доходило). В прошении в Сенат по данному поводу Г. Ф. Миллер очень высоко оценивает «трудолюбие и отменное искусство» С. П. Крашенинникова, но «с крайней мизерией жизнь свою продолжающему», и просит об увеличении денежной субсидии; отсутствие самого необходимого может «его состояние не только опечалить», но и привести в «унылое нерадение». К счастью, Миллер ошибся (или просто плохо знал Крашенинникова). Несмотря на то, благодаря энергии и самоотверженности вверенного ему «студента», открытие Камчатки и ее всестороннее исследование состоялось!

Драматические коллизии сопровождали С. П. Крашенинникова и на его дальнейшем жизненном пути. Отношения с Г. Ф. Миллером, которого он позже сменил на посту ректора Академического университета; отношения с адъютантом Г. Стеллером, который прибыл на Камчатку осенью 1740 г. с орденом принять Крашенинникова «в свою команду» и при этом «какие имеются казенные книги и материалы и сколько имеется служивых реестр объявить», то есть сдать; участие

Фрагмент надмогильной плиты
С. П. Крашенинникова. МАЭ РАН

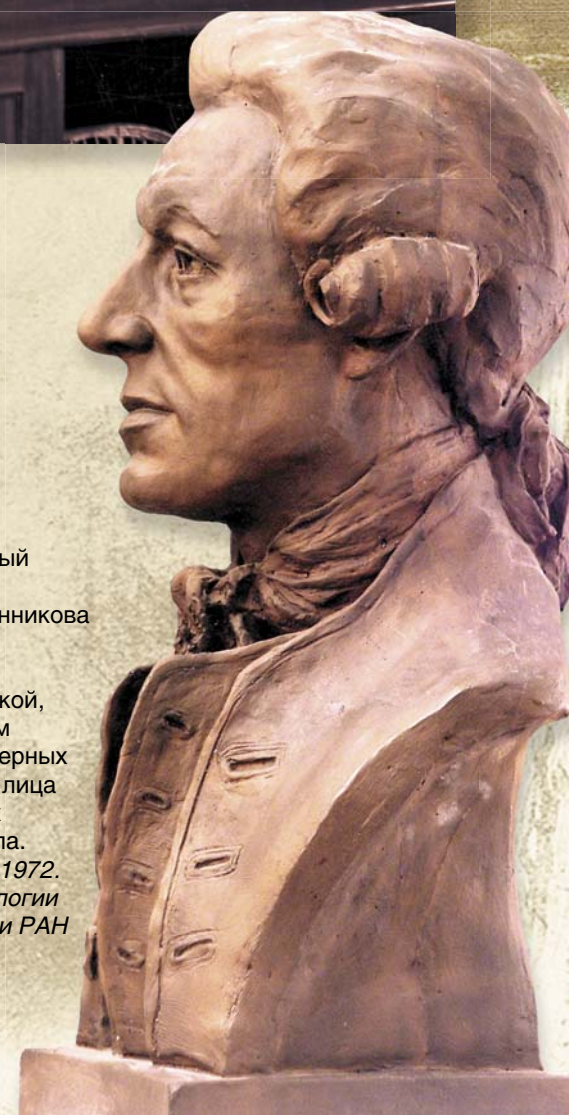
М. М. Герасимов
(второй справа)
и В. В. Гинзбург
(третий справа)
в отделе
Антропологии
Музея
антропологии
и этнографии
им. Петра
Великого.
Ленинград.
1950 г.

К ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОРТРЕТА СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА КРАШЕНИННИКОВА

Осенью 1963 г. в Музей М. В. Ломоносова в Ленинграде (ныне Отдел истории Кунсткамеры и отечественной наук XVIII в. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН) поступил необычный экспонат: обломок надмогильной плиты. На плите сохранилась высеченная на ней надпись: «На сем месте погребен Академии Наук профессор Степан Петров сын Крашенинников, который <...> показал <...>» — слова, обозначенные отточием в угловых скобках, стерты. Фрагмент плиты обнаружили при земляных работах на территории Благовещенской церкви на Васильевском острове, при которой с 1738 по 1760-е гг. находилось действующее кладбище. Передача плиты в Музей М. В. Ломоносова была вполне закономерна. Музей был открыт в 1949 году не только как мемориальный и посвященный жизни и деятельности великого русского ученого М. В. Ломоносова. В экспозиции Музея представлена история русской науки и Академии наук в XVIII в. Одной из первостепенных задач, стоявших перед организаторами Музея М. В. Ломоносова, являлось описание истории становления и развития научных дисциплин и судеб крупнейших российских ученых XVIII в., каковым был и С. П. Крашенинников. После проведенных раскопок предварительная антропологическая экспертиза найденных останков была выполнена

Документальный
портрет
С. П. Крашенинникова
(профиль),
выполненный
Г. В. Лебединской,
с соблюдением
научно достоверных
взаимосвязей лица
и подлежащих
структур черепа.
Гипс. Москва, 1972.
Институт этнологии
и антропологии РАН

Расчистка погребения С. П. Крашенинникова.
По: (Грач, 1966)

С. П. Крашенинникова в академических конфликтах в Петербурге на стороне М. В. Ломоносова – все это заслуживает самого пристального внимания и углубленного изучения...

«Конец житию его последовал в 1755 году...»

Степан Петрович Крашенинников скончался 25 февраля 1755 г., в возрасте 44 лет, из которых 10 он провел в Великой Сибирской экспедиции, так и не увидев главного труда своей жизни – книги «Описание земли Камчатки», изданной только в 1756 г. Похоронен профессор Крашенинников был на академическом кладбище, которое находилось на 7-й линии Васильевского острова в Петербурге, в ограде Благовещенского собора. В начале 30-х гг. XX в. собор был закрыт, а место захоронения утеряно и забыто.

Осенью 1963 г. экскаватором, проводившим здесь земляные работы, была вывернута из земли обломанная каменная плита с надписью «На сем месте погребен Академии Наук профессор Степан Петров сын Крашенинников... показал» (далее плита сломана и надпись не сохранилась). Первоначальное местонахождение плиты и, следовательно, точное место захоронения С. П. Крашенинникова из расположения самой находки не было известно. Для его обнаружения и последующих раскопок был создан небольшой археологический отряд, в состав которого входили А. Д. Грач (начальник отряда), М. Н. Пшеницына (лаборант ЛОИА), Ю. И. Трифонов и Д. Г. Савинов (тогда студенты кафедры археологии ЛГУ) и М. А. Петухов (постоянный художник экспедиций А. Д. Грача). До этого все они работали в Красноярской экспедиции на Енисее.

Фрагмент «Карты Земли Камчатки с около лежащими местами» из русского издания «Описание Земли Камчатки», СПб., 1755

Женские праздничные санки. Камчадалы. Камчатка. XVIII в. Дерево, кожа, кость

заведующим Отделом антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого д. м. н., проф. В. В. Гинзбургом. Для определения портретных черт погребенного в Ленинград был приглашен заведующий лабораторией пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР (Москва) д. и. н. М. М. Герасимов, который записал:

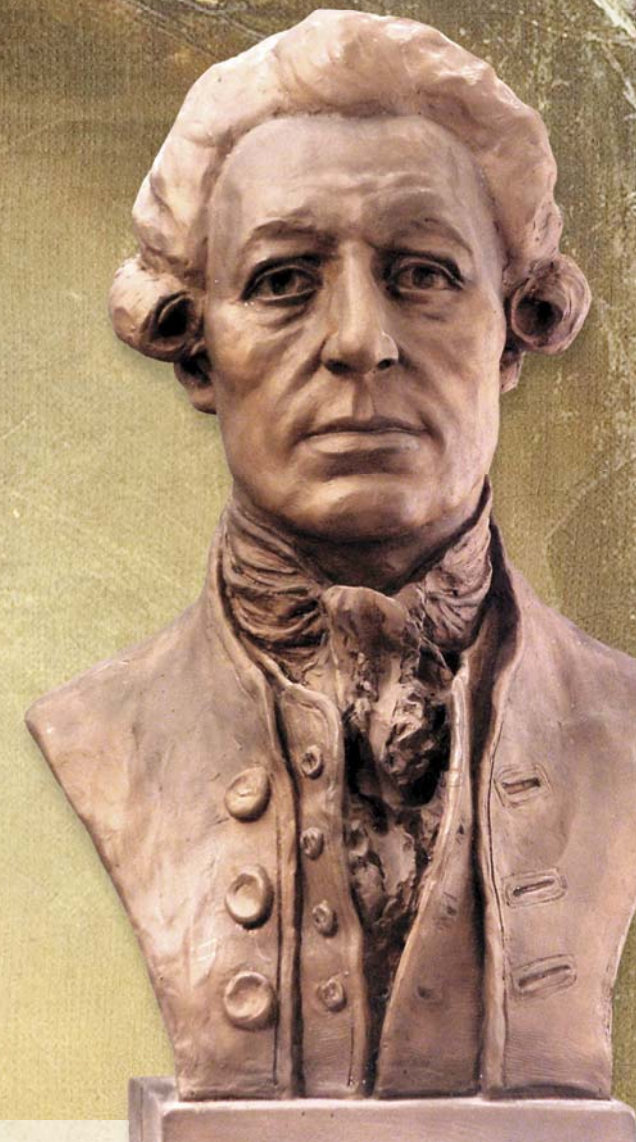
«По состоянию стертости зубов данного черепа можно говорить, что ему вряд ли меньше 40 лет. Облитерация стреловидного шва свидетельствует о возрасте между 40 и 50 годами. Об этом же возрасте свидетельствует и состояние швов всего черепа. Таким образом, определение возраста по черепу не противоречит календарному возрасту С. П. Крашенинникова на момент смерти – 44 года. На черепе наблюдаются некоторые образования (пластиночки на лобной кости), которые могут трактоваться как результат заболевания туберкулезом. На нижней челюсти альвеолы передних резцов отчетливо свидетельствуют о том, что субъект страдал пиоре (пародонтозом). Это согласуется с биографическими данными С. П. Крашенинникова.

При рассмотрении черепа нами были отмечены некоторые индивидуальные особенности, дающие возможность говорить о специфических портретных чертах лица. Так, прежде всего бросается в глаза величина и форма носа – нос был массивный, горбатый. Латеральная часть орбит давала возможность думать, что данный субъект обладал небольшой складкой мягкого века (верхнего) во внешней его части. Характер прикуса, величина зубов, их форма дали возможность говорить, что данный человек имел небольшой, энергично очерченный, прохейличный рот красивого рисунка с чуть заметным выступанием вперед нижней губы. В общем, лицо было высокое, с сильными, энергичными чертами. При сопоставлении отмеченных на черепе особенностей с гравюрным портретом С. П. Крашенинникова присутствующими было отмечено совпадение этих черт.

Весь комплекс данных (условия находки, биологический возраст, индивидуальные особенности и очевидное физиономическое сходство) дают право считать найденные останки принадлежащими С. П. Крашенинникову» (по: Грач А. Д. Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде. С. 115–116).

Останки С. П. Крашенинникова были переданы в Лабораторию антропологической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР (Москва) д. и. н. М. М. Герасимову для создания портретной реконструкции.

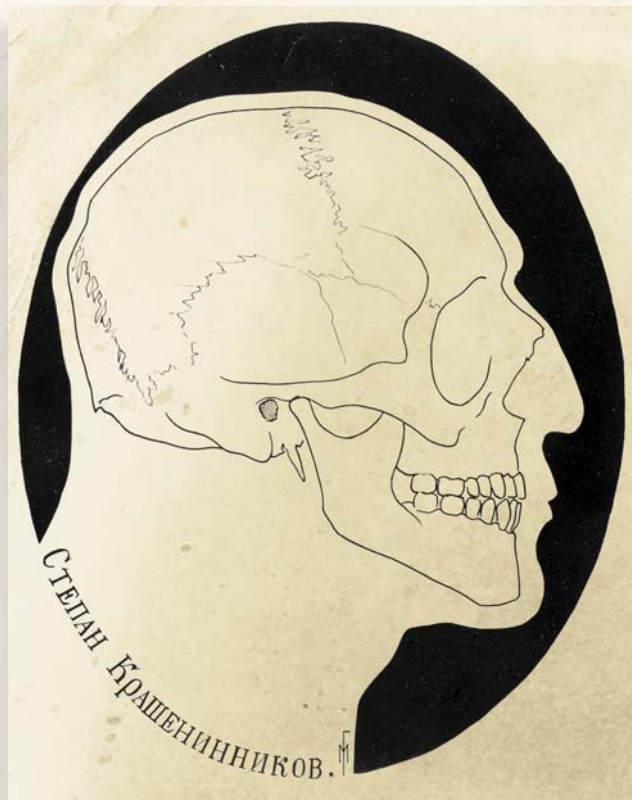
К сожалению, преждевременная кончина Михаила Михайловича Герасимова в 1970 г. отодвинула процесс создания скульптурного портрета Степана Петровича Крашенинникова. И лишь в 1972 г. к этой работе приступила прямая ученица Герасимова, преемник его в должности, заведующая лабораторией Галина Вячеславовна Лебединская.

Документальный портрет С. П. Крашенинникова (фас, профиль), выполненный Г. В. Лебединской, с соблюдением научно достоверных взаимосвязей лица и подлежащих структур черепа. Гипс. Москва, 1972. Институт этнологии и антропологии РАН

Скульптурный портрет С. П. Крашенинникова вошел в труд Г. В. Лебединской «Облик далеких предков – альбом скульптурных и графических реконструкций» (Москва, 2006). В 1988 г. останки Степана Петровича Крашенинникова были перезахоронены на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская (Институт этнологии и антропологии РАН), М. В. Хартанович (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН)

Графическая реконструкция облика С. П. Крашенинникова, выполненная Г. В. Лебединской. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 1972.

Погребение мужчины, похороненного по христианскому обряду

Назначение А. Д. Грача, незадолго до этого перешедшего из Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА), начальником отряда по поиску и раскопкам погребения С. П. Крашенинникова не было случайным. Еще в 1952 г. А. Д. Грач, впоследствии известный исследователь Центральной Азии, произвел первые археологические раскопки в Ленинграде в Таможенном переулке у стен Кунсткамеры на трассе строящегося газопровода, с которых, по сути дела, началось развитие особой археологической субдисциплины – археологии Петербурга. По итогам произведенных раскопок А. Д. Грач опубликовал небольшую монографию (1957), давно ставшую библиографической редкостью. Помимо публикации совершенно новых материалов, показавших предметы культуры и быта населения Петербурга XVIII в., книга сопровождалась детальными зарисовками – реконструкциями художни-

ка Г. А. Песиса – с изображением тех самых предметов, которые были найдены при раскопках. В результате этих работ А. Д. Грач стал прекрасным знатоком культуры Петербурга XVIII в. Поэтому поручение найти и раскопать погребение С. П. Крашенинникова, одного из самых крупных исследователей Сибири XVIII в., им было воспринято не как обязанность, а своего рода подарок судьбы, возможность еще раз прикоснуться к этой легендарной эпохе.

Раскопки погребения С. П. Крашенинникова происходили с 20 по 26 ноября 1963 г. В эти дни было уже по-зимнему холодно; все время шел мелкий колючий снег. Площадь перед Благовещенской церковью, огороженная забором, была заснежена и пуста. Небольшой раскоп (приблизительно 5×4 м, с прирезками) находился на краю этой продуваемой площади. Работа в мерзлом грунте, достаточно кропотливая и сложная, начиналась с 10 утра и продолжалась весь световой день. Археологи опасались, что может выпасть большой снег, и раскоп тогда будет засыпан. К счастью, этого не случилось. Несмотря на погоду, работа по поиску места захоронения С. П. Крашенинникова шла как-то весело и энергично. А. Д. Грач, вообще умеющий создавать удивительно дружную обстановку на раскопе, ласково называл Крашенинникова «Крошем». В этом не было никакой фамильярности, а лишь выражение уверенности, что, так или иначе, мы обязательно встретимся. Так оно и случилось.

Находки в раскопе

В пределах заложенного раскопа (а именно на этом участке была обнаружена могильная плита с упоминанием имени С. П. Крашенинникова) на глубине около 1,5 м находилось три захоронения: одно детское, другое – край какого-то, вероятно, фамильного склепа из кирпичика и третье – погребение взрослого человека в простом деревянном гробу, вытянутое по основной оси заложенного раскопа. Два первых захоронения идентифицировать было невозможно. Третье, получившее номер 1, стало основным объектом нашего внимания.

Расчищала его непосредственно М. Н. Пшеницына, мы стояли по бортам раскопа уже в качестве наблюдателей. Расчищала очень долго и тщательно. Оказалось, что это погребение мужчины в возрасте около 40–50 лет, похороненного по христианскому обряду, со сложными на груди руками. Еще во время расчистки нас поразили три обстоятельства, указывающие на то, что перед нами действительно останки С. П. Крашенинникова. Первое – это истлевшие фрагменты зеленого сукна от форменной академической одежды того времени. Второе – медный (а не золотой и даже не серебряный) нательный крест. Известно, что С. П. Крашенинников был «солдатский сын». И, наконец, третье – фаянсовая

чашечка-пиала с синей росписью (изображение птицы и растительных мотивов на белом фоне). В специальной статье, посвященной раскопкам погребения С. П. Крашенинникова, А. Д. Грач отметил, что «пиала эта явно долго была в употреблении, прежде чем попала в погребение. Осмотревший пиалу А. М. Беленицкий (известный специалист по археологии и культуре Востока – Д. С.) не исключает ее восточно-туркестанского происхождения». Хотелось бы верить, что эта пиала могла быть любимой прижизненной вещью С. П. Крашенинникова, привезенной им из далеких путешествий в восточных районах Азии.

Для подтверждения предложенной идентификации и соответствующего заключения была создана специальная комиссия под председательством тогда зав. ЛОИА АН СССР Б. Б. Пиотровского. 27 ноября утром члены комиссии прибыли непосредственно на место раскопок. Из присутствовавших тогда членов комиссии помню М. П. Грязнова, Б. Б. Пиотровского, В. С. Сорокина, В. В. Гинзбурга; может быть – М. М. Герасимова. А. Д. Грач, стоявший на длинной стороне раскопа, подробно рассказывал обо всех аргументах в пользу идентификации раскопанного погребения как захоронения великого русского ученого Степана Петровича Крашенинникова. Все предложенные аргументы – и условное место нахождения плиты, и совпадение по полу и возрасту, и близость физиономических черт, прослеживаемых по черепу с известными изображениями С. П. Крашенинникова, и ряд других реалий (пуговицы и цвет одежды, нательный крест, фаянсовая чашечка) – были приняты безоговорочно. На этом

Профильная реконструкция по черепу С. П. Крашенинникова. Реконструкция и рисунок М. П. Грязнова. Фотоархив ИИМК РАН, № нег. II – 82673

эпопея зимних раскопок на Васильевском острове закончилась.

М. П. Грязнов, в молодые годы профессиональный антрополог, сделал по черепу графическую реконструкцию абриса лица С. П. Крашенинникова и подарил ее А. Д. Грачу, в личном архиве которого она и хранится. Сами останки С. П. Крашенинникова были положены в специально сделанный для этого деревянный ящик, обтянутый красным кумачом (!). Этот ящик довольно долго стоял на столе в секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА и затем исчез. И только теперь я узнал, что останки С. П. Крашенинникова в 1988 г. были перезахоронены в Ленинграде, в Александро-Невской Лавре. Надо надеяться, что *in aeternum*, навечно.

Литература

Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде. Л: Изд-во АН СССР, 1957.

Грач А. Д. Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде // Советская этнография. 1966. № 4. С. 108–116.

Надмогильный памятник академику С. П. Крашенинникову на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Санкт-Петербург. 2011 г.

